

Школа имени Героя

Воспоминания Марии Фёдоровны Ивановой о Герое Советского Союза Марии Мелентьевой

Жили мы вначале одной семьей – три брата Мелентьевых и мы, их дети. Маня росла маленькой, худенькой, невзрачной, но очень подвижной девочкой. Подрастая, она сильно изменилась, окрепла. Такой и запомнила её – светлые вьющиеся волосы, розовое, всегда улыбающееся лицо, отчего её чуть раскосые глаза казались ещё меньше.

Старшая дочь в семье, Маруся была трудолюбивой, работающей. Придут, бывало, с покоса отец с матерью, а у неё и полы намыты, и бельё постирано, и чай вскипячён. Училась Маня нельзя сказать чтобы отлично. Получала и «хорошо», и «посредственно». Не давалось ей черчение. Но упорная была. Сколько перечертит, прежде чем сдать работу учителю. Прекрасно ходила на лыжах, плавала. Была простой, душевной, любила почитать. Очень ей нравился Рахметов, герой романа Чернышевского «Что делать?». Пыталась даже подражать ему (спала на чердаке на голых досках). Всё чего-то искала Маруся, к чему-то стремилась.

- Обязательно буду капитаном дальнего плавания, на худой конец пилотом, – делилась со мной она своими мыслями. Она у нас такая росла. Особенная какая-то.

В лето, когда началась война, Марусе было 17 лет. Она окончила девять классов и поступила на почту телефонисткой. Но началась война, Маруся просто загорелась, её было не узнать. После работы она дежурила вышке ПВО, в госпитале. Фронт был близко, и в первые же дни в школе разместился госпиталь. По ночам коммунисты, комсомольцы, старшие ученики рыли в районе Ригсельги противотанковые рвы. Вместе с ними была и Маруся. Не знаю, когда она и спала.

- Однако усну на ходу, - говорила она мне, но утром снова была на дежурстве. Малейшему успеху радовалась от души.

- Уже уколы делала сама, - вся лучилась она, рассказывая о последней ночи, проведенной около раненых.

Враг наступал. Фронт продвинулся вплотную. В тихие вечера хорошо слышно было тяжёлое уханье артиллерии. Июльским вечером Маруся забежала к нам.

- На фронт уйду, помоги маму уговорить. Тут и другие справятся, а там я нужнее. - Много было слёз, уговоров, но Маруся была упряма. Так и уехала, а мы стали получать от неё треугольники со штампом полевой почты.

Вскоре семьи наши эвакуировались. Долго от Маруси не было вестей. Мы стали разыскивать её по последнему адресу. Прислала она нам весточку из Беломорска. Потом надолго замолчала. И вдруг заявила сама. Это было после той операции, когда погибла Аня Лисицына. Подлечилась Маруся немного в госпитале и ей дали короткий отпуск. Пришла она как-то ко мне ночевать, но так и не заснула мы в ту ночь.

*Мария Федоровна Иванова на встрече с
учениками Пряжинской школы*

- Послали нас в Анину деревню, – начала свой рассказ Маруся, - Она хорошо знала местность, была проводницей. Сбросили нас ночью с самолёта. В потёмках пробрались к дому Лисициных. Аня постучалась. Её сестра впустила нас. Нам нужны были сведения о размещении войск и всякой техники. Жили у Лисициных, иногда прятались на чердаке. Ночью по радию передавали вести своим.

Оставалось самое трудное – добыть чистые бланки паспортов. В один из осенних дней подошли к штабу. На счастье в штабе дежурила знакомая Ани. Аня осталась в палисаднике, я зашла в комнату. Пользуясь тем, что в помещении больше никого не было, я выложила девушке всё прямо. Бланков у неё не оказалось. Она назначила нам вечер и час следующей встречи. Предаст или нет? – волновались мы. Но нет! Всё обошлось благополучно. Заполучили бланки паспортов.

Задание выполнили, можно было возвращаться к своим. Оттуда сообщили: «Самолёта не будет. Пробирайтесь, как можете». И мы пробирались. Дошли до Свири. Кругом враги. Вдоль берега горят костры. Сколотить плот? Нельзя, услышат. Решили переплыть реку. Документы я положила в шапку, бельё в узелок. Только представь, темень и студёная вода. Отплыли от берега и вдруг слышу тихий Анин голос: «Не могу, что-то с ногами случилось. Плыви одна. Только бы не крикнуть». На мгновение я растерялась, обеими руками ухватилась за Аню.

- Не надо. Обе потонем. Плыви одна, - и слегка на прощанье сжала мою руку.

Преодолевая холод и голод, в одном купальнике (узелок с бельём уплыл) шла Маруся глубокой осенью к своим. Днём пряталась она в стогах сена, прикрываясь опавшей листвой, а ночами шла. ...И не дошла, впала в глубокий обморок. Подобрали наши армейцы, закутали в шинель, доставили в штаб, а оттуда - по назначению.

Отпуск пролетел незаметно. Провожали мы Марусю. Все 26 км до Кинешмы разучивали «Синенький скромный платочек». Не знали, что видимся в последний раз. Такой осталась навечно в памяти – весёлой, неунывающей.

Опять шли к нам фронтовые треугольнички. И вдруг осенью 1943 года газета «Известия» принесла неожиданные вести - Указ о присвоении Марусе звания Героя Советского Союза и рассказ о её подвиге.

Четвёрка разведчиков возвращалась с задания. В деревне Топорная гора они решили отдохнуть, но их предали.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 сентября 1943 года было присвоено звание Героя Советского Союза славным дочерям карельского народа Марии Мелентьевой и Анне Лисицкой.

Их не стало, но кровь их пролита не зря.

Отгремели залпы и народ взялся за восстановление разрушенного войной хозяйства.

М. Иванова